

БОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган управления союза советских писателей СССР.  
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кудаина,  
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,  
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 41 (892)

Воскресенье, 28 июля 1940 г.

Цена 30 коп.

## Мы строим флот!

В годы первой пятилетки, пуская в ход новые заводы, мы о каждом из них с гордостью говорили: «Его строил весь народ!»

Вскоре от отдельных заводов — их трудно было считать! — мы перешли к целым отраслям индустрии и начали говорить: «Мы раньше не имели автотракторной промышленности — теперь мы имеем ее! Мы не имели прежде авиационной индустрии — теперь мы имеем ее!»

Росли масштабы созидания — росла наша гордость, законы гордости самими собой, а самое главное — своим делом, его великими итогами и перспективами. Но mere как на карте родной земли возникали все новые индустриальные очаги, росли процепты увеличения количества танков, самолетов, пушек, сообщаемые нам Ворошиловым с трибуной съездов. Страна одевалась в стальную кольчуту. Защищала себя от нападения с суши и с неба.

Но когда советская земля и воздух были уже одеты в крепкую броню, флот еще отставал от других видов вооружения. Отставать же он не мог. Сорок восемь тысяч километров морских границ — намного больше, чем длина экватора, — разве можно их оставить без надежной защиты? Так родилась новая общегарданская задача: создания могучего морского и океанского флота! И мы теперь говорим: «Мы строим флот!»

Строительство Военно-Морского Флота мы считаем делом всего народа не потому только, что оно очень трудно, сложно по технике, требует больших вложений и участия многих людей. В Англии над выполнением программы морского строительства работает до 400 предприятий. Но кто назовет это дело народным? Возможно, что у нас строят корабли меньшее количество заводов, чем в Англии. Но мы имеем право считать и считаем создание флота общим делом нации, ибо действительно она — эта нация — и действительность для самих себя строят могучие линкоры и авианосцы, подводные и крейсера, миноносцы и троцкие флотилии. Это — метод нашего строительства, это — новая, демократическая система разрешения государственных задач, созданная большевиками, рожденная сталинской эпохи. Мы так строим социалистическое хозяйство, мы так создали и укрепляем свою мощную оборону, мы так построим первый в мире флот. Это в интересах народа, отвечает его стремлению.

Переисторьте хотя бы бегло историю нашего флота! Она рассказывает перед зрителем изумительную по красоте картину геройства матросов, талантливого мастерства флотоходов и подвигов русских Колумбов. Откуда в бесконечных просторах Тихого океана появились вспучки называемые — «строва Сенявина, Суворова, Лисянского, Крученштейна, Бородина»?

Это память о многочисленных кругосветных походах русских кораблей под командованием умелых и дерзких русских лейтенантов и капитанов. Народ, который враги хотели сделать «ухопутным», оказался не только лающим путешественником и исследователем морских просторов, но и храбрым воином в морских сражениях.

Немало уроков со временем Петра преподали русские моряки киевским адмиралам многих морских держав. Балтика и Черное море, не случайно в древности называвшиеся «русским морем», помнят, как от русских фрегатов, бригов, броненосцев и крейсеров бежали сильнейшие флотилии. Уместно привести хотя бы один пример казанского хвастства.

Накануне русско-турецкой войны 1877—1878 годов английская «Таймс», известная нам по более близким временам газета, писала:

«Все знают, что турецкий флот организован и состоит по начальством офицера, считающегося на английской службе. Когда Россия обойдет войну, бросятся в Гобарт-наши должны будут послужить Турции (мы читаем сейчас — Англия) серьезную службу. Они будут блокировать порты Черного моря, препятствовать России пользоваться морем спирожжением и проводить войск для войск».

Впоследствии курс этих широких планов пытались обесценить «лучшим затмением». Действительно, воспользовавшись спасибо лунным затмением, молодой еще тогда русский флотограф Макаров нашел близ Сухума сокрушительный удар флоту Гобарт-наши. Но это было только один из геройических эпизодов. А их было множество. Слабый тогда русский флот показал, что способен русский моряк. «Блокада» не помешала кораблям Макарова появиться у стен Константинона.

Победы Петра, адмирала Ушакова, Синявина, Нахимова, подвиги Макарова и других командиров и матросов составили славные традиции русского флота.

На флотах гражданской войны балтийцы и черноморцы доказали, что по-

бедные традиции моряков не поколебимы. А в недавних схватках с белофиннами, помимо этого, доказали, что наша родина уже имеет крепкий, боеспособный, преданный социализму флот.

Сегодняшний праздник советские народы отмечают в особенно радостной обстановке. Пополняется их семья. Родились три новых социалистических республики. Провозглашение власти Советов в Литве, Эстонии и Латвии существенно меняет положение на Балтике. Удлинились советские морские рубежи. Отныне Краснознаменный Балтийский флот становится защитником счастливых народов Прибалтики, свергнувших плутократических проходимцев и вязавших свою судьбу в собственные руки. Возросла ответственность за черноморских моряков. Погиб их защитник находится теперь побережье многострадальной Бессарабии.

Много сделано уже для усиления могущества военно-морских сил социализма, но сделано еще неизмеримо больше. Нам нужен флот вдвое сильнее, чем мы имеем. Ради этого сотни тысяч патриотов нашей родины, не жалея сил, самоотверженно трудятся, создавая первоклассные корабли, миллионы советской молодежи готовятся стать на страже у морских и океанских границ, ожидая, когда родина призовет их к исполнению своего священного долга.

Сделала ли наша литература все, что должна была сделать для флота? Участие писателей в морских операциях против белофиннов дало свои прекрасные плоды. К ветеранам морской тематики — Новикову-Приюбию, Леониду Соболеву, Всеволоду Вишневскому и Борису Лавреневу — присоединился целый отряд поэтов и прозаиков. Стихи и песни Лебедева-Кумача, Гитовича, Лифшица, Соловьева, боевые заметки и рассказы Лаганского, Зонина, очерки лестяк советских журналистов, написанные на кораблях Балтики, займет подобающее им место на библиотечных полках крейсеров и миноносцев. Писатели военно убелились, какой подъемной, воинствующей силой обладает каждый слово песни, рожденной поэтом-бойцом, каждую почетную службу несет вспесивая злободневная частушка, мягкий походный фельетон и краткая, как быстр, покинувшая стена газетной карикатуры.

Но близкое знакомство с героями будущего флота, романтикой морской профессии, замечательными людьми боевых кораблей заставило писателей почтительно отдавать дань памяти погибшим. Это мало. Тем более, что не всегда это выходит хорошо. Флот ждет, когда «кинотонные» планы и пожелания советских писателей превратятся в многотомные, яркие произведения о прошлом и настоящем нашего флота, о его героях, о его славных походах.

Не только читатель-краснофлотец, но и советский читатель вообще, миллионы молодежи, школьников справедливо предъявляют требования писателям-маринистам и не-маринистам: покажите нам жизнь советских подводников, бойцов и командиров наивных и воззривших кораблей. Полки же с книгами о флоте далеко еще не заполнены. Там можно встретить имя Станикевича, Джека Лондона, Новикова-Приюбия, Л. Соболева, Б. Лавренева... На этом перечислении авторов прерывается, если не сказать нескольких томах сборников рассказов и стихов, выпущенных частично. Но время ли подумать о собирании всего ценнего, что написано и напечатано о флоте в толстых журналах, и издать отдельными сборниками? Не время ли сердечно позабыться о школьных библиотеках, где интересная книга о морском флоте найдет пристального читателя? Почему единственным издательством, проявляющим инициативу и заботящимся о маринистской литературе, остается только издательство самого Военно-Морского Флота? Не следует ли осталым более любовно отнести к этому большому и важному, так необходимому для всей страны предмету?

Академия наук БССР сдала в печать восьмистолбцовый сборник научных трудов и публицистических материалов на тему: «Западная Белоруссия под панским гнетом и ее освобождение». Виднейшие учёные республики на основе совершивших новых материалов дают развернутую картину истории Западной Белоруссии (географическое положение, народонаселение, экономика, культура).

Фольклорная комиссия Академии наук собрала обширный материал для подготовленного к изанию сборника народного творчества «Западная Белоруссия в котлах польских панов». Одновременно идет сбор современного белорусского фольклора. Для этой цели выезжают экспедиции в различные области республики.

На подготовляющейся отчетной республиканской выставке «Ленин и Сталин — организаторы белорусской государственности» значительное место будет отведено сентябрьским событиям.

Прошлое и настоящее нашего флота — благодарный материал для драматургии, в том числе кинодраматургии. Как бы значительно ни были лучше пьесы и фильмы, созданные панами художниками — М. Талка, Ф. Пестрака, М. Мощара и др. Переводы стихов этих поэтов, «Мы из Кронштадта» и другие, многие геройические страницы истории флота, могучие и мужественные характеры его людей ждут еще своего воплощения на сцене и экране.

Мы уверены, что благородная задача художественного изображения повседневного бытия наших моряков привлечет свежие силы, новых энтузиастов. И тогда советские писатели с большим правом, чем до сих пор, смогут вместе со всем народом сказать:

Мы строим наш непобедимый, броненосный флот!

## Оборонная работа писателей Украины

Оборонная работа в союзе советских писателей Украины началась оживляться.

Проведен военный семинар при ветеранском филиале Академии им. Фрунзе в Киеве. Курс прошел около 50 писателей. Состоится писательский сбор в Пехотной школе. Курсанты-писатели жили на казарменном положении, активно занимались военной учебой.

Группа украинских писателей работает в армейской печати в дни похода в Бессарабию и Северную Буковину. Писатели перешли бывшую границу вместе с передовыми частями Красной Армии. Среди

работавших — тт. Тардов, Фефер, Городской, Кукер, Коновалко, Первомайский, Голованинский, Часенко, Кондращенко. В агитработе принимали участие тт. А. Корнилов и М. Балкан.

При редакции газеты «Красная Армия» был проведен специальный семинар писателей, работающих в армии.

Сейчас создается альманах из лучших произведений, напечатанных в армейской печати. Готовится также альманах «Освобожденцев» — из произведений красноармейцев, участвовавших в походе в Западную Украину в 1939 г.



Фотомонтаж художника Е. МИФАСОВА

## Перед исторической годовщиной

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

## В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ ИДУТ КОРАБЛИ

В дальный путь идут корабли  
И летят самолеты...

Счастья от милой земли,

Крепче любишь ее ты.

Много стран на свете большом,

Но своя — нам милее,

Много звезд на небе чужом,

Только наши светле!

Нет таких друзей и подруг,

Как на родине нашей,

Вся страна миллионами рук

Нам приветливо машет.

Словно мать в беде нас хранит,

Ободряет и греет.

В добryй час! — она говорит,

— Возвращайтесь скорее!

Много новых мест и людей

Мы в пути повстречаем,

Но всегда о милой своей

Мы поем и скучаем.

Помним мы родимой земли

И любовь и заботы...

В дальний путь идут корабли

И летят самолеты.

Писатели

## Писатели Буковины

### ВЫСТАВКА В ХАРЬКОВЕ

ХАРЬКОВ. (От наш. корр.). Библиотека харьковской организации СССР организовала интересную выставку произведений крупнейших украинских писателей-буковинцев Остапа Фелькевича и Ольги Кобыльянской. На выставке показано полное собрание сочинений О. Фелькевича, изданное в 1902 г. научным обществом им. Шевченко во Львове. Все автографы и автографы к этому изданию с величайшей щедротой собраны, упорядочены и проиллюстрированы великим украинским писателем-революционером Иваном Франко. Биография Фелькевича представлена на выставке двумя статьями работы писателя О. Маковея, тоже изданной во Львове в 1911 г. Среди других изданий на выставке есть книжечка рассказов Фелькевича «Побратим», которую издал известный украинский писатель Б. Гримчак в 1899 г. Все эти книги давно уже стали библиографической редкостью.

На выставке хорошо представлены произведения Ольги Кобыльянской, изданные на Советской Украине, в Черновицах, во Львове, в Праге и т. п. Выставка также включает журналы с поведками и очерками писательницы. Среди них — львовский «Литературно-научный вестник» за 1899 и 1906 гг., выходивший тогда под редакцией И. Франко.

Среди экспонированных книжек есть деревенский, убогое издание сборника — «Ольга Кобыльянка. Альманах», выпущенное в Черновицах в 1928 г. к юбилею юбиляра литератора деятельности писательницы. Здесь застывает внимание автографы юбиляра, написанные в форме писем к профессору Стасью Стоянову.

На выставке хорошо представлены произведения Ольги Кобыльянской, изданные на Советской Украине, в Черновицах, во Львове, в Праге и т. п. Выставка включает журналы с поведками и очерками писательницы. Среди них — львовский «Литературно-научный вестник» за 1899 и 1906 гг., выходивший тогда под редакцией И. Франко.

Среди критических материалов обращает на себя внимание статья Леси Українки «Малорусские писатели Буковины», напечатанная в петербургском журнале «Жизнь» № 9 за 1900 г. В этой статье замечательная украинская писательница высоко оценивает творчество Фелькевича Кобыльянской и Стефаныка. Также интересна рецензия А. Крымского — писателя-ориенталиста — на роман Кобыльянской «Царівна», помещенный в львовском журнале «Зоря» за 1897 г. Эта рецензия начинается такими словами: «Украинская литература может радоваться: в лице Кобыльянской и Стефаныка. Так же высоко оценивает творчество Фелькевича Кобыльянской и Стефаныка». Так же высоко оценивает творчество Фелькевича Кобыльянской и Стефаныка.

Среди критических материалов обращает на себя внимание статья Леси Українки «Малорусские писатели Буковины», напечатанная в петербургском журнале «Жизнь» № 9 за 1900 г. В этой статье замечательная украинская писательница высоко оценивает творчество Фелькевича Кобыльянской и Стефаныка. Так же высоко оценивает творчество Фелькевича Кобыльянской и Стефаныка.





# АРИФМЕТИКА и ЛИТЕРАТУРА

Статья о «Тихом Доне» нередко пишутся по следующему шаблону. Сначала Шолохова хвалят за то, что он присильно отобразил процессы, происходившие в донском казачестве в период с 1914 по 1921 год. Затем делается несколько глубокомысленных замечаний об изображении природы, причем оказывается, что природа либо контрастирует, либо гармонирует с состоянием, в котором находится герон, — третьего пути не дано! — и в заключение производится несколько озборительных замечаний по поводу языка романа. Вот, примерно, и все. Ноистине, удивительное умение превращать сложные и тонкие произведения искусства в произведения простейшего, «одноклеточного» типа.

Статья «О конце Григория Мелехова и конце романа» («Л. Г.» от 26/VI) не принадлежит к числу таких статей. Автор ее М. Чарный пытается серьезно разобрать роман, вдуматься в него, понять логику развития центрального образа — Григория Мелехова. Бессспорно, мысли, высказанные М. Чарным, приходили в голову многим читателям романа, и критики правильно поступили, сформулировав свои, и не только свою, мысли и раздумья.

М. Чарным владеет пафос запытий Григория Мелехова от Михаила Шолохова. Да, именно этому посвящена вся статья, если не считать нескольких общих замечаний о типичности и исключительности, но — о них позже.

«Вряд ли будет ошибкой сказать, — пишет М. Чарный, — что большинство читателей рассчитывало увидеть Григория преодолевающим, наконец, последние препятствия и заблуждения и пришедшими к перспективе жизни в новых условиях соцветского хозяйственного и культурного бытования порядка».

Определены основы своей позиции. М. Чарный вслед за этим начинает доказывать, почему Мелехов должен быть пеперты в рядах защитников советской власти, почему именно такой «конец подготовлен самой логикой развития образа».

Выясняется, что Мелехов «неинвалид», «господ парусных офицеров», поднимался «до общей мысли о враждебности старого порядка народу».

«Пришел в Красную Армию... воевал против поляков и Врангеля», причем «как в Красную Армию заступни, веселый из себя стал, гладкий, как мэрин».

«И вдруг это естественное развитие прерывается», — горестно восклицает Чарный. Он решительно разочарован дальнейшей судьбой Мелехова — его возвращением домой, его отношениями с Михаилом Кошевым, его полной опустошенностью и безразличием ко всему. Критик укоряет писателя в жестком обращении с героями.

Можно было бы только выразить свое сочувствие Чарному, огорченному тем, что роман кончается не так, как бы и ему и (признаемся в этом) нам хотелось. Но критик не ограничивается сожалениями и сетованиями. Он переходит к теоретическим обобщениям:

Стиль субъекта Мелехова исключительной, он утверждает, что «исключительность обстоятельства не может содействовать типичности художественного образа». Дальнейшие выводы ясны — Шолохов написал мало типичное произведение, идеально-художественное значение образа снижено и пр. и пр.

Как видим, в статье подняты общеподобные вопросы, острые и важные, выходящие за пределы обсуждения «Тихого Дона». Но мы сумеем лучше разобраться в этих вопросах после того, как выясним, так ли уж немотивирован и неожидан конфликт Григория Мелехова.

В шестом главе восьмой части Григорий и Михаил, бывшие друзья, ведут страшный, последний разговор. И в этой ночной беседе не только становится ясно обреченность Мелехова, но и брошен луч света на весь его прошедший путь.

Кошевый говорит Григорию, что он еще опаснее, чем Кирилла Громова — казака, подавшегося в бандиты. Это оскорбляет Григория: «Ты меня с ними не равняй!» — кричит он.

«Я уже тебе сказал, Григорий, и обижаться тут нечего: ты не лучше их, ты неизменно хуже, опасней.

— Чем же? Чего ты мелешь?

— Они рядовые, а ты закручивал всем восстание.

— Не я им закручивал, я был командиром дивизии.

— А это мало?

— Мало и много — не в том дело... Ежли б тогда на гулянке меня не собирались убить краснозарницы, я бы, может быть, и не участвовал в восстании.

— Не бы ты офицером, никто бы тебе трогал.

— Ежли б меня не брали на службу, не был бы я офицером... Ну, это длиная история.

— И длиная, и поганая песня.

— Зараза не перепевать, опадано... Да, поздно, поздно. Не в эту ночь, как это кажется т. Чарному, решаться окончательно судьбы Мелехова. Железными ход событий давно уже вел Григорий в такому концу: «Ежли б тогда на гулянке...», «Не был бы ты офицером...», «Ежли б меня не брали на службу...» Вот постепенное движение во времени назад, к началу пути, который привел к гибели, к смерти. Но и Кошевой, и сам Григорий не могут уже определить, в каком момент совершилась та страшная ошибка, которая сделала врагами бывших друзей, которая толкнула Григория в лагерь контрреволюции. Теперь уже поздно — прошлое не вернешь. Более того, прошлое не забудешь, не мажешь на него рукой. Хоть оно и прошлое, но оно существует, оно живет и в самом Григории, и в отношении к нему Михаил Кошевый, и в отношении к нему контрреволюционно настроенных казаков.

А в представлении т. Чарного все «предростки» Григория, очевидно, могла бы пронизить без особых затруднений. Ведь в нем так много хорошего: он не любит офицеров, и в Бога не верит, и с рядовыми казаками держится просто. Отсюда один шаг до полного перерождения, и вот уже Григорий, вернувшись из Красной Армии, женился на Аксинье, растит детей, организует колхоз, и по венчанию вместе с Михаилом Кошевым мирно вспоминают бывшие бои.

Нет, жизнь гораздо более сложна и значительно менее однозначна, чем это кажется т. Чарному. Сколько крови, сколько мертвых тел, сколько погибших легло между Григорием и советской властью! И если бы даже судьба Григория решал не Михаил Кошевый, который был непосредственным врагом его, сражалась против него, если бы Мелехов встретился с человеком, обладающим более широким кругозором, и этот человек решил бы испытать, проверить бывшего белогвардейца, — и в этом случае,

статья о «Тихом Доне»

и «ПОДЪЮНКА»

и

# Слово слушателя

...в зале иловлено темнеет, а затем загораются свечи в массивных канделябрах. Тени падают на кровно-красные гобелены. На сцене Репетилов — жажда и беспутное ничтожество. Чилингир, вакхика, трость. Потом Чапкин, блузчатый с толку, растерянный в гневной. Звучат гордые и полные горечи слова его захватывающего монолога. За них, мэримо и явно, «единственный умник» генитальной комедии, на-смешливый и жаждущий Грибовьев.

Со сцены не слышино бахроматного баритона Качалова, на замесе нет парящей чайки. Нет стилизованных деталей быта в декорациях, потому что нет самых лекций. На сцене один человек, только что исполнивший роли Репетилова и Чапкина, и его лицо, немножко усталое, кажется еще отуманенным тяжелой и беззаконной тоской.

Это Яхонтов!

О мастерстве Яхонтова у нас писали много. В частности, некоторое время назад в «Литературной газете» С. Нагорный в статье «Слушая чтецов» мимоходом бросил Яхонтову упрек в слабой выразительности. На сцене один человек, только что исполнивший роли Репетилова и Чапкина, и его лицо, немножко усталое, кажется еще отуманенным тяжелой и беззаконной тоской.

Но даже при этом условии с Нагорным навряд ли можно согласиться.

Хонгоповская манера чтения ориентирована на свободу от чисто то ли было упомянутых приемов игры.

Штамп Яхонтова чуж!

Его творческие искания и победы во многом характеризуют путь, пройденный советскими чтецами за последние десятилетия. Его промахи в основных чертах свойственны другим актерам, и поэтому не безынтересно на них остановиться.

Протягивая иногда обращается ораторски, так остро отточенное им самим.

Его можно иначе упрекнуть в нарочитой оригинальности сопоставлений, которые ничем не оправданы.

Например: исполняется «Монарт и Сальери», и в текст драмы, там, где Моцарт должен играть, вставлены два стихотворения Пушкина («Заклинание» и «Для берегов этичины дальней»). Исполняет их Яхонтов превосходно, но драматичность трагедии, так хорошо всем известной, нарушается. У Пушкина Моцарт должен играть «Реквием» и арию Дон-Жуана, и вдруг — стихи, пусты несправедливы, но не имеющие к Моцарту никакого отношения, да тому же переложенные на музыку русскими композиторами.

Это — досадные несоответствия.

В «Горе от ума», например, после заключительных слов Чапкина «Баретт мне, каретту» — сразу:

Я хотел бы жить и умереть в Париже, Если бы не было такой страны —

Москва.

Это примитивно. Такой, с позовением сказать, импрессионизм целью прости.

Грибоедовской Москвой Яхонтов пытается противопоставить Москву нынешнюю. Но Москву Мольчанинов и Скалабузов сам Грибов противопоставил Чапкину. Чапкин тоже любит Москву. Приведенные выше стихи Маяковского соответствуют слова Чапкиного о Москве:

«Когда ж постранствуюшь, воротишься домой. — И дым отечества нам сладок и приятен.

И еще одно замечание. Внешние приемы игры не должны заменять подлинного чувства; они являются только одним из способов, которыми достигается наибольшая выразительность. Это — аксиома.

Когда в исполнении Яхонтова слушаешь «Графа Нулину», больше всего запоминаются ноги чтеца в лакированных ботинках, угрожающие первым редам партнера. Стого говоря, они не имеют никакого отношения к передаваемому тексту, слишком очевидно вычленены на первый план и настойчиво запоминаются.

«Гусар» Пушкина. Руки в белых манжетах мелькают в воздухе, вычерчивая путь пьяного героя.

Примей сей череп. Дельвиг, он

принадлежит тебе по праву...

# Белинский писал лучше...

М. ГУС

Потап не принадлежит даже к частично к этому направлению! Приведите доводы, доказательства, а не только ощущения, впечатления, переживания... Это очень хорошо, что Ю. Юзовский «не скучает», что он «случает с жадным удовольствием», что, кроме яркого языка, он ощущает запах парного молока, что ему хотелось, чтобы кто-либо хватил по широкой спине Либкнехта, что на спектакле он видел «занавис жизни всеми порами»... Это очень интересно, что опытный критик пережил такие впечатления, но спорю — это должно быть уместно в хороме исполнения, и это справедливо. Желание нужно употреблять.

Почему-то мало читают Шолохова, Алексея Толстого, Фалеева, Каэтса, великолепные сатиры Ильфа и Петрова.

О советской поэзии (за исключением, пожалуй, Маяковского) можно получать и прекрасное исполнение Журавлевой и репертуар Артоболовского — и это все. Свифт, Стендэйл, Флобер и другие — их произведения слушатели жаждут услышать в хорошем исполнении, и это справедливо: желание нужно употреблять.

Такое положение, конечно, настолько же навязчиво, мурлыка развязнулась и из под пенька вылез пебольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперец шляпы сухая травинка.

— Вот теперь-то я начну собирать, — подумала Женя и уже было проигнорила ру-

ку. Было справедливо: т. Ю. Юзовский не ограничивается впечатлениями, но также и доказывает: «Три сестры» — это беспомощно раскинутые крылья, «Царь Потап» — упрямо склоненная вниз выва, никакими силами не сверши ее на стороны... Нелено одеть трех сестер в тяжелые сапоги Потапа. Глупо требовать от бегемота быть похожим на лебедя. Острожно, когда богатый цветущий мир искусства предложил стричь под одну гребенку.

Ю. Юзовский, «Большак писал лучше».

*(Известия от 14 июля.)*

Как помнит читатели, в «Литературной газете» было высказано мнение о пьесе А. Конкова, бесспорно талантливого драматурга, как о произведении натуралистическом, а спектакль в Большом драматическом театре им. Горького был назван принципиально-натуралистическим. Ю. Юзовский считает, что и лебедь — это правильно, и бегемот, и белогор — это правильно. Если эта аналогия применена к спору о «Царе Потапе», пусть даже и условленной, то лишь тот, кто и натурализм, смысл, то лишь тот, кто и натурализм — это правильно, в реалистическом — это правильно, и реалистичность — это правильно... Если бы т. Юзовский так прямо сказал, дискуссия получила бы иную тему: признан натуралистический характер, или нет. Т. Юзовский, как всякая аналогия, смысл, то лишь тот, кто и натурализм — это правильно, в реалистическом — это правильно, и реалистичность — это правильно...

Прекрасно! Мы убеждены доводами т. Юзовского и беремся, подражая ему, утверждать следующее. «Нана» и «Мадам Бовари» суть произведения стилистически однородные, одинаково реалистические, и в «Нана» нет ни малейшей присущести национального, ибо Эмма Бовари — это вавах сломанных крыльев, а Нана — это будущая слепота похоти, и глупо требовать от бегемота быть похожим на лебедя.

«Странная жизнь показана Кониковым с такой грубой откровенностью, так глядя прямо в глаза, с такой нещадящей склонностью к неподкупному, натурализму, натурализму, ибо Эмма Бовари — это вавах сломанных крыльев, а Нана — это будущая слепота похоти, и глупо требовать от бегемота быть похожим на лебедя.

«Если бы не было такого слова, как «натурализм», все обходилось бы благополучно», — иронизирует т. Юзовский по адресу тех, кто видит в «Царе Потапе» принципиальное выражение натуралистической струи в нашем искусстве. Но т. Юзовский кривит душой. Ведь он-то превосходно знает, что существует в действительности не одно только слово «натурализм», не одно только отвлеченное понятие, но и целое направление, т. е. сумма произведений, группы художников, система взглядов... Докажите же, что «Цар-

е Потап» не принадлежит даже к частично к этому направлению!

Приведите доводы, доказательства,

и вы увидите, что иначе никак не обойтись.

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что и лебедь — это

правильно, и белогор — это правильно...

Следует заметить, что

# На службу культуры

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ

Двадцать лет тому назад декретом Ставки Советской армии СССР от 3 августа 1920 года, у колыбели рождающегося печатного слова, была поставлена организованная в Москве Центральная книжная палата. Сюда каждый день по утрам со всех концов страны стекаются первые выходящие из типографских машин произведения печати — газеты, журналы, листовки, графика — и отсюда как из единого центра рассыпаются по основным книгохранилищам и крупнейшим библиотекам страны.

Таких центров, располагающих благодаря обширному архиву всей печатной продукции страны, до революции было всего три — библиотека Академии наук, Государственная публичная библиотека в Петербурге и Румянцевский музей. Сейчас таких центров десятки, они равномерно распределены по всем стране.

Нельзя без волнения читать ежедневный инвентарный лист обязательного экземпляра — в нем живо ощущается биение пульса умственной жизни страны. Бросается в глаза преобладание научной и учебной литературы. Страна напряженно и плотоядно учится. Значительный вес технической литературы и в частности брошюр, обобщающих стахановский опыт.

По этим инвентарным листам обязательного экземпляра можно убедиться, что Москва и Ленинград давно уже перестали быть единственным центром выходов художественной и критической литературы.

Берем на удачу инвентарный лист от 22 июля. Самая большая книга о литературе, увидевшая свет в этот день, вышла в Ростове-на-Дону. Это — литературно-критический сборник, посвященный творчеству М. А. Шолохова.

За двадцать лет через руки Всесоюзной книжной палаты прошли громадные книжные богатства — смыты 37 млн. обязательных экземпляров книг и журналов, сотни миллионов газет, листовок, ит и графики. Она распределила по книгохранилищам и библиотекам СССР 1,345 тысяч называния, 563 тысячи книг, 782 тысячи газет и журналов.

Всесоюзная книжная палата, однако, не только страж и распределительный пункт печатной продукции СССР. Каждая поступающая сюда книга, журнал и газета — это не только статистическая учетная единица, но и объект изучения. Если вам понадобится справка о каком-либо экземпляре книги, журнала или газеты из 1,345 тысяч, прошедших через Всесоюзную книжную палату за 20 лет, то вам не придется рваться в сумажных грудах. Все эти книжно- журнальные богатства, как бы лежат перед вами открытыми. Стоит заглянуть для этого в один из издаваемых Книжной палатой библио-

с. Ипполитов.



Плакат, посвященный Дню Военно-Морского Флота. Художник Н. А. Аввакумов («Искусство»).

## ДОМ-музей И. Франко

ЛЬВОВ. (От наш. корр.). В начале августа в Львове будет открыт литературно-художественный музей, посвященный памяти великого классика украинской литературы Ивана Франко.

Под музей отведен дом № 4 по улице Попинской. Здесь И. Франко жил с 1902 года до своей смерти.

Организатором и директором музея является сын писателя, депутат Верховного Совета Украинской ССР тов. П. И. Франко.

В пяти комнатах любовно собраны вещи и документы, тесно связанные с жизнью писателя, с его огромной литературно-научной работой, которой он не прекращал до самых последних минут своей жизни.

Они рассказывают о его связях с писателями, художниками, учеными и общественными деятелями конца XIX и начала XX столетий.

Бывший кабинет Ивана Франко приобрел свой прежний вид. Скромный стол с двумя чернильницами, деревянная шкатулка для писем и мелких бумаг, папка для рукописей, простое кресло возле стола, два шкафа с книгами — вот и вся обстановка этого кабинета. В нем находится только одно украшение: рог на металлической фигурной подставке — подарок поэту в день сорокалетия его литературной и общественно-политической деятельности от известной певицы Саломеи Крушельницкой.

Нужно думать, что писатели станут ближе к Всесоюзной книжной палате, когда она выполнит свое намерение о создании секции художественной литературы.

С. Ипполитов.

Вторая комната рассказывает о литературных, научных и общественных связях великого классика украинской литературы Ивана Франко с Коцюбинским, с Драгомановым, с Гнатюком и со многими другими выдающимися людьми — современниками и друзьями писателя.

Третья комната — это собрание материалов о многочисленных путешествиях по Европе. Большая карта показывает маршруты и места, где побывал Франко. Большое количество документов говорят о его встречах, о результате его поездок.

Четвертая комната посвящена последним дням жизни писателя, его смерти и похоронам. Здесь нашли себе место многочисленные вещи, водленные на его могилу, траурные сообщения, проекты памятников, которые так и не были осуществлены.

Последняя комната предназначена для большого собрания изданий произведений переведов Франко. Здесь же сохраняются документы, относящиеся кувековечению памяти одного из лучших сынов украинского народа. Невольно бросается в глаза, что на территории бывшего Западной Украины за последние месяцы, минувшие со дня освобождения родины Франко, для увековечения его памяти сделано значительно больше, чем за все 23 года, прошедшие со дня его смерти.

Юр. ШОВКОПЛЯС.

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

МИНСК. (От наш. корр.). Начали работать курсы-конференции молодых писателей Белоруссии, созданные ССП БССР.

Среди курсантов — молодые писатели западных областей БССР: белорусские писатели Ганна Новик, Михаил Засим, Анастасий Ивере,польский поэт Равич и др.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

## О ДОБЛЕСТИХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

Поплыли моря, и моря  
вас поплыли.

Адмирал Нахимов.

Две ростральные колонны, символ морской победы, вспыхнули на площади. Древний бой морских чинов восседает на каменном ложе фронтона огромного дворца, некогда звездного зодчим Тома де Томоном и в течение века служившего королям фондовидной биржи. Сюда, в это величественное здание, скроется будущий Центральный военно-морской музей.

Кондрат Крапиву и на литературном поприще и на белорусском и французских фронтах проявил себя как подлинный советский патриот, достойный высокого звания члена партии Ленина — Сталина.

Партийизация единогласно постановлена на принять К. Крапиву в кандидаты ВКП(б).

К. Крапива принят в ряды ВКП(б)

Еврейский литературно-художественный журнал «Штерн» («Звезда»), выходящий в Минске, отметил 15-летие своего существования. Это — старейший советский журнал на еврейском языке. В нем начали свою литературную работу многие писатели, впоследствии занявшие видное место в литературе. Журнал «Штерн» не только стал собирающим центром для еврейских писателей Советской Белоруссии, в нем принимают участие еврейские писатели всего Советского Союза. В последние книгах журнала напечатан ряд произведений писателей, освобожденной Западной Белоруссии.

Предыдущий союза советских писателей послал приветствие редакции журнала «Штерн».

П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин, писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-

телях: Купале, Коласе, Бядуле, Чорном, Краинке, Лынькове.

Лекции читают: поэт П. Глебко, критик И. Шараухский, М. Климкович, Г. Березин, И. Гутаров, проф. М. Добринин.

Писатели Я. Колас и К. Чорны рассказывают о своей творческой работе.

Курсанты уже посетили ряд постановок гастролирующего в Минске Ленинградского Большого драматического театра им. Горького и спектакли 2-го Белорусского драматического театра.

В программе курсов: лекции о творчестве Пушкина, Некрасова, Горького, Маяковского, о крупицах советских русских писателях, а также о белорусских писа-